

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В «БИНЦИЛИНЬ БАББЛЗ»

Магнолии У было почти десять. Она не могла дожждаться, когда ей действительно исполнится десять, потому что цифра девять похожа на выглядывающий из земли росток — такой маленький, что на него легко наступить. А вот десять — уверенное двузначное число, похожее на меч и щит в руках человека, который вот-вот завоюет мир.

Но завоевывать мир Магнолии У не грозило, ведь на всё лето она застряла в прачечной «Бинцилинь Бабблз», где её родители работают с тех пор, как она родилась. И никакого праздника у неё не будет. В Нью-Йорке у Магнолии совсем нет друзей. Это ей не в обиду: если бы её спросили, она сама сказала бы то же самое. Раньше у неё была подруга, но она переехала в пригород, потому что там больше травы. Многие семьи переезжают в пригороды, чтобы быть ближе к траве.

Мало того что Магнолия осталась одна, ей ещё и было очень жарко. Жара стояла такая, что улитки практически таяли на тротуарах, а голуби задыхались. Пот у Магнолии выступил на носу, под коленками и даже в пупке. Внутренние органы кипели, как батат в кастрюле. Ну, или так ей казалось.

Магнолия присела на корточки, сунула руку под стиральную машину и нашла то, что искала, — пыльный носок. Она вытащила его, взяла из деревянной коробочки кнопку и прикрепила носок на доску для объявлений. Доска была вся завешана потерянными носками, одинокими и неприкаянными, разлучёнными со своей парой.

Каждый носок казался Магнолии загадкой, и она ждала дня, когда владельцы за ними вернутся. Интересно, где побывали эти носки, думала она. Может, они шагали через грязь или снег, взбирались на цветущие холмы, танцевали на бродвейской сцене. Но никто за ними так ни разу и не пришёл: о носках забыли или взрослым просто было не до них из-за всяких других важных дел.

Разглядывая носки в тот очень жаркий день, Магнолия размышляла, не глупо ли считать, что её затея к чему-то приведёт. Большинство одноклассников разъехались на каникулы и, наверное, едят сэндвичи с омаром, собирают ягоды, ловят лягушек и плавают на лодках с белоснежными, как салфетки, парусами. Магнолия же выгребает

из стиральных и сушильных машин четвертаки, помогает родителям разбирать почту и пополняет запасы стирального порошка. Глядя на крутящиеся барабаны стиральных машин, она гадала, не застряла ли здесь на всю жизнь, в круговороте бесконечных стирок и сменяющих друг друга клиентов.

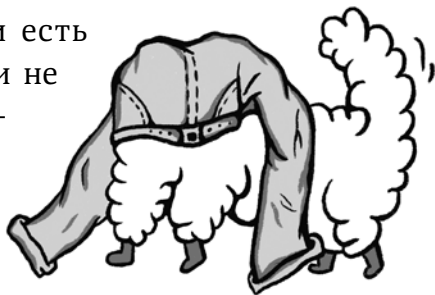
Раньше Магнолия любила свои повседневные обязанности. Когда она была маленькой, мама скармливала одежду круглоротым машинкам, делая вид, что это роботы, с чавканьем заглатывающие рукава. Мистер У катал Магнолию в металлической тележке для белья, которую прозвал тележкой-Феррари. Они складывали из бумаги матросские шапки и представляли, что плывут на подводной лодке и видят в стеклянных дверцах стиральных машинок тёмное бушующее море. Магнолии даже разрешили нарисовать огнедышащего дракона на тележке, которую отец прицеп-

лял к велосипеду, чтобы развозить чистое бельё, правда, дракон вышел похожим на ящерицу, которую тошнит апельсиновым соком.

Всякий раз, когда Магнолия спрашивала маму, почему они никогда не ездят отдыхать, миссис У отвечала: «Нет времени, много работы, это слишком дорого». Казалось, мама отдыхает, только когда смотрит кино на ноутбуке или ест солёные вяленые сливы, болтая по телефону с тётей Мэй. Магнолии хотелось хотя бы устроить день красоты и расслабиться, лёжа с кружочками огурца на глазах, но она знала, что мама ни за что не станет так разбрасываться едой.

К счастью, у Магнолии есть пёс — Мистер Штаны. Они не планировали заводить собаку, ведь собачья шерсть липнет к одежде, а из-за шерсти клиенты чихают и потом оставляют в интернете плохие отзывы. Но однажды зимним вечером Мистер Штаны забрёл в прачечную и зарылся в кучу тёплого белья. На следующее утро он вылез оттуда со штанами на голове и прочно занял в семье своё место.

Так и проходили дни: стояла жара, носки висели на доске, Мистер Штаны спал и машинки гудели, пока папа Магнолии развозил по городу чистое бельё, а мама аккуратно складывала горы одежды до самой темноты.

Утром своего десятилетия Магнолия решила, что, раз уж она вынуждена провести всё лето в Большом яблоке, значит, придется стать диким червяком, чтобы свободно ползать и прогрызать это яблоко насквозь. Она сунула в карман несколько мятых долларовых банкнот, купила на улице брецель и стала слизывать с корочки кристаллики соли. Магнолия глядела на облака,

зацепившиеся за самый кончик
Эмпайр-стейт-билдинг, и немного
надеялась, что они сейчас лоп-
нут. Из катышков, оставшихся
в сушильной машинке, она
слепила акул и расставила их
в ряд на кассовом аппарате.
Наконец, она нарисовала на знаке

«Не курить!» дымящую трубу. После
этого делать стало нечего.

Сразу после обеда из подсобки с криком
«С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ-Я-Я!!!» появился мистер У.
Он булавками прицепил конфеты к сантиметро-
вой ленте и обернул её вокруг шеи Магнолии
на манер ожерелья. Миссис У вручила ей пиалу
с фасолевым мороженым и толстую свечу благо-
вония. Миссис У считала, что именинные свечи —
пустая трата денег: раз уж у них есть благовония,
Магнолия вполне может задуть их.

— Свеча — она и есть свеча, к чему покупать
те малюсенькие? — говорила она.

Магнолия помедлила, прежде чем задуть свечу,
зная, что, как только она это сделает, родители
тут же снова займутся работой, поэтому она глу-
боко вдохнула и задула огонёк носом, чтобы пове-
селить отца. Магнолия думала, что этим дело
и кончится и день пойдёт своим чередом, но мис-
сис У сказала:

— У меня сюрприз.

Оказалось, в Нью-Йорк из Санта-Крус в Калифорнии недавно переехала мамина давняя подруга мисс Лам и у неё есть дочка Ирис — ровесница Магнолии. Обычно, когда миссис У пыталась свести Магнолию с детьми своих друзей, ничего хорошего из этого не получалось. Это называется «навязанная дружба», а в таком случае шансы, что вы сойдётесь, крайне малы. Однажды Магнолию познакомили с сыном маминой подруги Кайлом. Кайл продемонстрировал ей свою муравьиную ферму: Магнолии показалось, что пару тысяч точек, которые ставят в конце предложения, взяли и высыпали в стеклянный ящик. Муравьи в нём были такие сухие и дохлые, что Магнолия разуверилась в маминой способности найти ей подходящих друзей.

— Здорово, — сказала Магнолия. — С удовольствием как-нибудь с ней познакомлюсь.

— Сегодня и познакомишься. Они уже идут к нам, — сказала миссис У. — Мисс Лам заберёт бельё и приведёт Ирис.

— Сюда? Ирис придёт сюда?! — воскликнула Магнолия.

Магнолии становилось неловко, когда в прачечную заглядывали другие дети. Если вдруг заходил кто-то из одноклассников, Магнолия присаживалась за кассой или пряталась в куче белья. Было стыдно так себя вести, но иначе ей в школе не выжить. Один мальчик, Аспен, взял в привычку

бросаться в неё толстовкой со словами: «Дам тебе два бакса, если постираешь». Когда Магнолия просила его прекратить, он ухмылялся и отвечал: «А что? Я думал, твои родители как раз стиркой потной одежды зарабатывают».

Как только Магнолия увидела прачечную его глазами, её сразу стали смущать разные мелочи. Новогодние игрушки, круглый год висевшие на растениях в горшках. Алтарь со статуэткой Гуань-гуна* в окружении подношений — апельсинов и благовонных палочек. Стопка чужого нижнего белья у кассы. Пластиковые банки из-под арахисовой пасты вместо стаканчиков для карандашей. Папа, который носит кофту со Снупи и вьетнамки, тогда как другие папы вышагивают по улицам в рубашках с накрахмаленными воротничками и в начищенных туфлях.

— А нельзя мне с ней познакомиться в другом месте? — спросила Магнолия.

Тут зазвенел колокольчик над дверью. В прачечную вошла невысокая женщина в бордовом спор-

* Гуань-гун («князь Гуань»), или Гуань Юй, — легендарный китайский военачальник эпохи Троецарствия. Считается, что его изображения и статуэтки привлекают богатство и приносят удачу в делах.

тивном костюме с надписью «Солёные мышцы», а за ней — девочка возраста Магнолии. Мисс Лам работала тренером по аэробике в студии «Солёные мышцы» на их улице. Магнолии казалось, что это название больше подходит для рыбного ресторана, но, строго говоря, пот солёный, так что вроде бы годится.

— О! Это Магнолия? — спросила мисс Лам. — Ты, наверное, не помнишь, но мы виделись, когда ты ещё была вот такая. — Мисс Лам сложила руки так, будто держит невидимый батон.

Магнолия, конечно же, ничего не помнила, ведь мозг у младенцев, считай, всё равно что слайм.

— Мисс Лам помогала нам, когда мы переезжали, — сказала миссис У. — Внесла стиральную машинку, держа над головой!

Миссис У протянула мисс Лам сумку с чистым бельём, и мамы принялись болтать, так что Магнолия и Ирис остались сами по себе. Ирис посмотрела на Магнолию, но ничего не сказала.

— Что ж, — начала Магнолия. — У нас обеих цветочные имена.

— Иногда мне хочется, чтобы меня звали Рейчел, — сказала Ирис.

Магнолия проигнорировала эту реплику и предприняла вторую попытку:

— Расскажи, как там в Санта-Крус?

— Мне кажется, там как в раю. Синий океан, белые облака.

— А как тебе Нью-Йорк? — спросила Магнолия. Ирис слегка нахмурилась:

— В метро слишком много народу, а на улице пахнет запечёнными подгузниками. А пару дней назад я видела в лужедохлую крысу, у неё кишки повсюду плавали.

«Она точно из тех, кто любит траву», — решила Магнолия.

— Зато в городе есть всё, что нужно, — сказала она. — Назови хоть одну вещь, которой тут нет.

— Гора, — сказала Ирис.

«Да кому нужны горы? — подумала Магнолия. — За видом получше можно подняться на лифте». Она уже собралась бросить попытки подружиться с девочкой, которая только и делает, что ругает её город, но тут подошёл Мистер Штаны и лизнул Ирис руку, и Ирис не сказала: «Фу», а сказала: «И тебе привет», и Магнолия тут же оттаяла.

— Давай я тебе всё тут покажу, — предложила она.

Под конторкой Магнолия показала холодильник, набитый ванночками мороженого из чёрного кунжута и фасоли, мороженым со вкусом матча и фруктовым льдом со вкусом личи. «Бинцилинь» — по-китайски «мороженое», им семья У угощала ждущих своей очереди клиентов. Магнолии разрешали

съедать только один фруктовый лёд в день. Раньше она тайком съедала два и одну палочку выбрасывала в мусорное ведро, а вторую закапывала, чтобы скрыть улики, но однажды Мистер Штаны выкопал столько палочек, что хватило бы разжечь целый костёр, и мама у-у-ух как рассердилась.

Магнолия показала Ирис карандашные чёрточки на дверном косяке: это папа отмечал её рост (звёздочка рядом с линией означала, что Магнолию измеряли в обуви). Затем она налила в стаканчик синий гель для стирки и объявила, что это слюни инопланетян. Потом забралась на стул и достала обувную коробку с «секретными посланиями», полную выпавших из чужих карманов записок, чеков и билетных корешков, а также гигиенических помад, батареек, иностранных монет, цветных карандашей и леденцов от кашля. Ирис вынула из коробки ракушку и полюбовалась ею.

— И, наконец, позволь представить носочную доску, — сказала Магнолия и обвела рукой своё самое значимое творение в прачечной. Пару секунд Ирис рассматривала коллекцию.

— За ними когда-нибудь кто-нибудь возвращался? — спросила она.

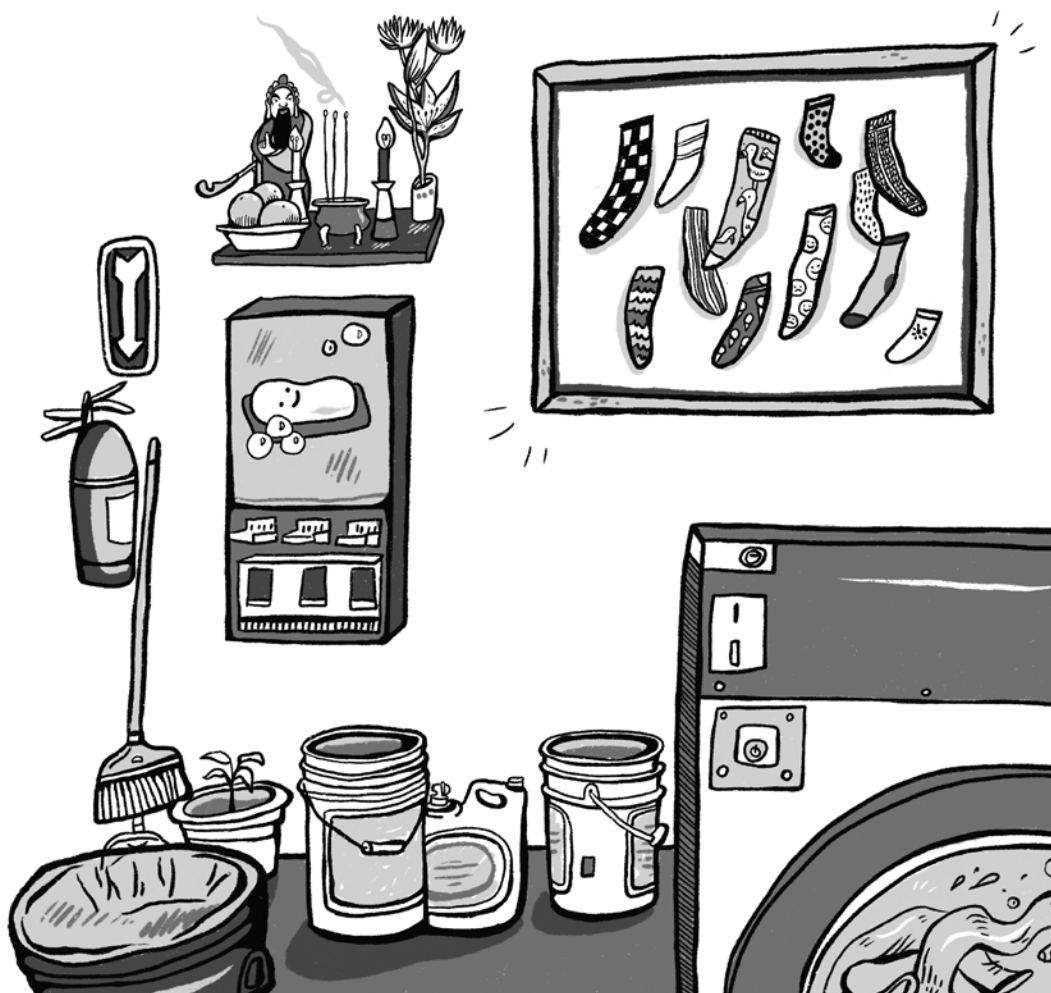
Магнолия покачала головой:

— Пока нет. Я волнуюсь, что им одиноко. Но нужно просто набраться терпения.

К девочкам подошла мисс Лам и сжала Ирис в объятиях. Магнолия заметила, что бицепс у неё размером с лимон. Поразительно.

— Я тебя днём заберу, — сказала мисс Лам. — Хорошо вам с новой подругой провести время!

Когда мисс Лам ушла, Ирис погрустнела. Магнолии пришло в голову, что, может, Ирис взъелась на Нью-Йорк, потому что скучает по дому и это

чувство омрачает её впечатления от всего грандиозного, что здесь есть. Как только Ирис узнает город получше, он наверняка ей понравится.

Магнолия достала два фруктовых льда.

— Давай поиграем в коконы, — предложила она Ирис. — Завернёмся в простыни, а потом распутаемся и будем хлопать ими, как бабочки крыльями.

— Вообще-то, из коконов вылупляются мотыльки, бабочки получаются из куколок, — сказала Ирис.

— Да какая разница.

Ирис стояла не шевелясь, пока Магнолия оборачивала её простыней. В конце концов видны остались только глаза, и Магнолия, глядя на то, как моргает туго спелёнутая Ирис, решила, что они непременно подружатся. Магнолия сама начала заворачиваться в простыню, как дверь вдруг распахнулась и громко звякнувший колокольчик разрушил мирную атмосферу.

— НИ ЗА ЧТО больше к вам не приду! — закричала вошедшая женщина. — Вы меня ПОНЯЛИ?!

Магнолия наблюдала за сценой сквозь щели своего кокона, вздрагивая от каждого резкого слова. Если бы слова этой женщины были написаны в бабле над её головой, то этот бабл похо-

дил бы на колючего морского ежа с торчащими во все стороны иголками.

— Вы ИСПОРТИЛИ блузку, которая стоила двести долларов, это просто ВОЗМУТИТЕЛЬНО!

Лицо у женщины покраснело, она кричала так громко, что серьги покачивались в ушах. Она швырнула севшую шёлковую блузку миссис У прямо в лицо.

— Простите, — сказала миссис У. — Очень сожалею.

— Инструкции нужно читать. Нечего открывать бизнес, если не знаете английского.

Магнолия смотрела, как брошенная блузка облепила мамино лицо, словно вялый скат, и сползла вниз. Женщина схватила сумочку и уже собралась уходить, но вдруг ткнула пальцем прямо в доску с носками.

— Ещё и грязные носки тут развешиваете. Отвратительно! Неудивительно, что у вас здесь полный бардак.

Женщина так хлопнула дверью, что носочная доска закачалась и с тихим стуком упала на пол. Магнолия, оторопев, молча стояла в слегка размотавшейся простыне, с локтя капало мороженое. Женщина ушла, но её гнев так и висел в воздухе, плотный, словно дым, и из-за него у Магнолии слезились глаза и щипало в горле. Как же неприятно, когда на её родителей вот так кричат. Такое уже случалось, но Магнолия обычно уходила в подсобку, где резкие звуки становились далёкими и приглушёнными.

Миссис У повернулась к девочкам.

— Не волнуйтесь. — Она взмахнула рукой. — Это ерунда. Ерунда.

Магнолия продолжала смотреть на лежащую на полу носочную доску. Эта женщина как будто подтвердила её сомнения: глупо вывешивать потертые носки и надеяться выяснить, чьи они. Магнолии казалось, что она сделала только хуже. Поэтому, не говоря ни слова, она подошла к доске, подняла её, вынесла на улицу и прислонила к чёрным мусорным мешкам на обочине.

Когда Магнолия вернулась, мама уже снова складывала одежду идеальными хрустящими квадратами. Простыня Ирис лежала у её ног смятой

кучей. Магнолия не знала, что говорить или делать. Она бы предпочла, чтобы мама бросила своё бельё, закрыла прачечную, и они бы провели вечер вместе, поели бы мороженого и обсудили произошедшее, и никто бы их не беспокоил.

Но Магнолия знала, что инцидент исчерпан и больше они к нему не вернутся. Поэтому атмосфера так и осталась гнетущей и Магнолия так и молчала, пока в груди у неё болело, а во всём теле кипел гнев. Она думала, что на этом всё и закончится, но только потому, что не могла заглянуть в голову Ирис. А если бы могла, то увидела бы, что у Ирис уже созрел план.